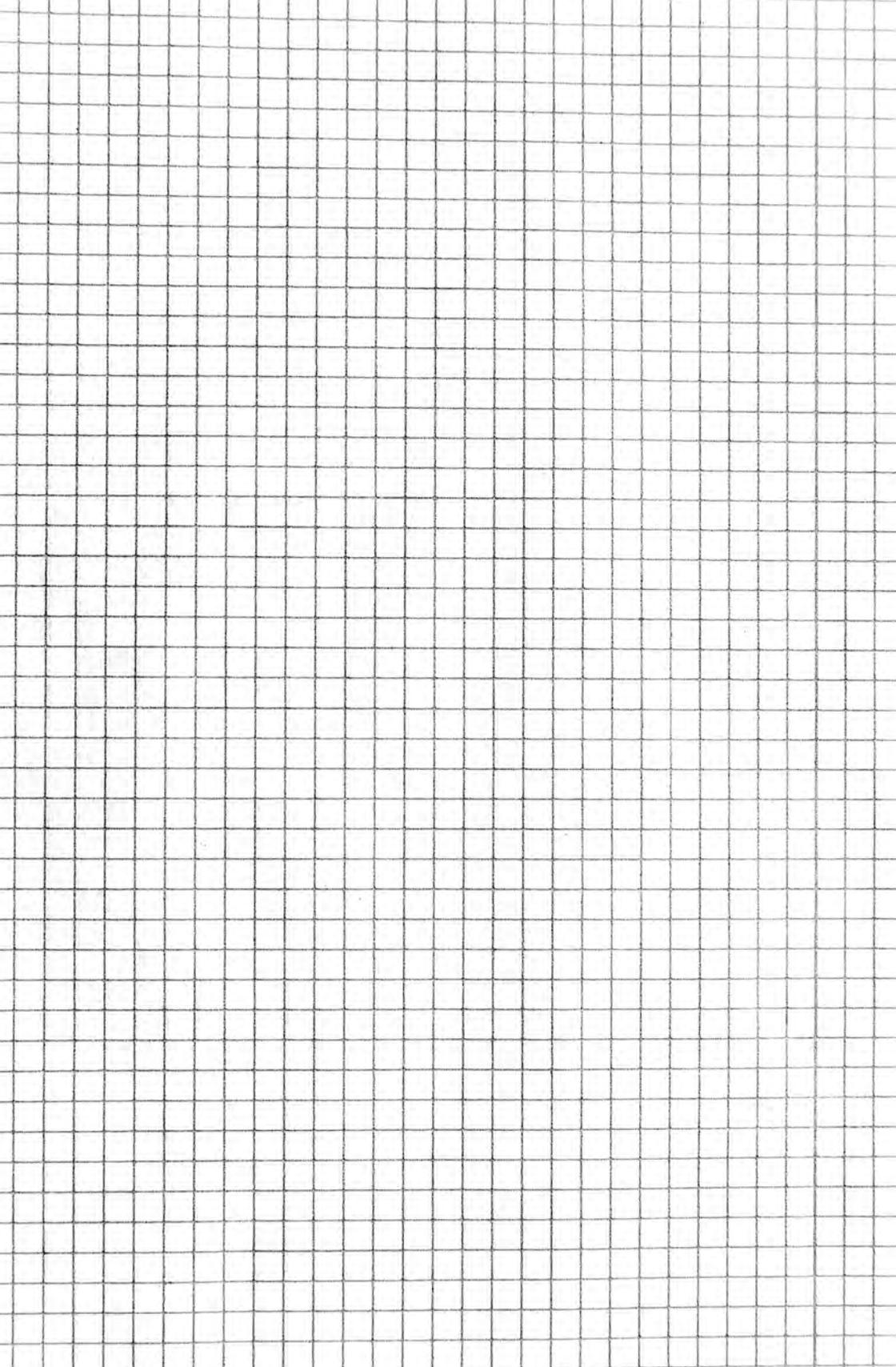

*К 150-летию Ел. Ф. Гнесиной
(1874–1967)*

Елена Фабиановна Гнесина

В конце «лихих 90-х» капитаны бизнеса чувствовали себя в России не просто хорошо — они были полновластными хозяевами страны. Всего несколько человек контролировали более 50% российской экономики. По мере распродажи по дешевке государственной собственности размеры состояний и влияние этой группы стремительно росло. К 2000 году они контролировали бюджетные, инвестиционные средства, владели также и громадным медиаресурсом — в их руках были крупнейшие телеканалы, печатные и электронные СМИ.

Естественно, новым «помещикам» нужны были дома и офисы, и желательно в старинных особняках в центре Москвы. Поэтому любой дом с историей или памятник архитектуры был в то время потенциально под угрозой продажи «большому боссу».

Схема выселения законных владельцев была весьма проста. Поскольку большинство таких особняков находилось в плачевном состоянии, организацию, занимавшую историческое здание, — как правило, под предлогом необходимости сохранения культурного наследия — выселяли в связи с капремонтом. Обратное, разумеется, мало кого возвращали.

В 2000 году в России приступил к исполнению своих обязанностей новый президент, который буквально сразу объявил о новом

отношении государства к бизнесу. Неизвестно, кто создает эти формулировки, но звучало это так: «равноудаленное положение всех субъектов рынка от власти». Учитывая, что влияние олигархов на госструктуры управления было сложившейся реальностью, а на что способен новый руководитель страны, тогда еще мало кто себе представлял, не все поняли, что имелось в виду.

Теперь, анализируя те события — неожиданные аресты, бегство заметных фигур за рубеж, — можно оценить заложенные в этой фразе и градус поворота курса, означающего окончание полукриминального принципа управления, и широту задуманной кампании, и степень риска для самого кормчего.

Процесс удаления олигархов от власти шел не без скрытого сопротивления и самих чиновников, не желающих оставаться без источников своего благополучия. Актуальность эта тема потеряла только в 2010 году, когда в адрес одного из миллиардеров публично было сказано, что «социальная ответственность бизнеса — условие существования бизнеса».

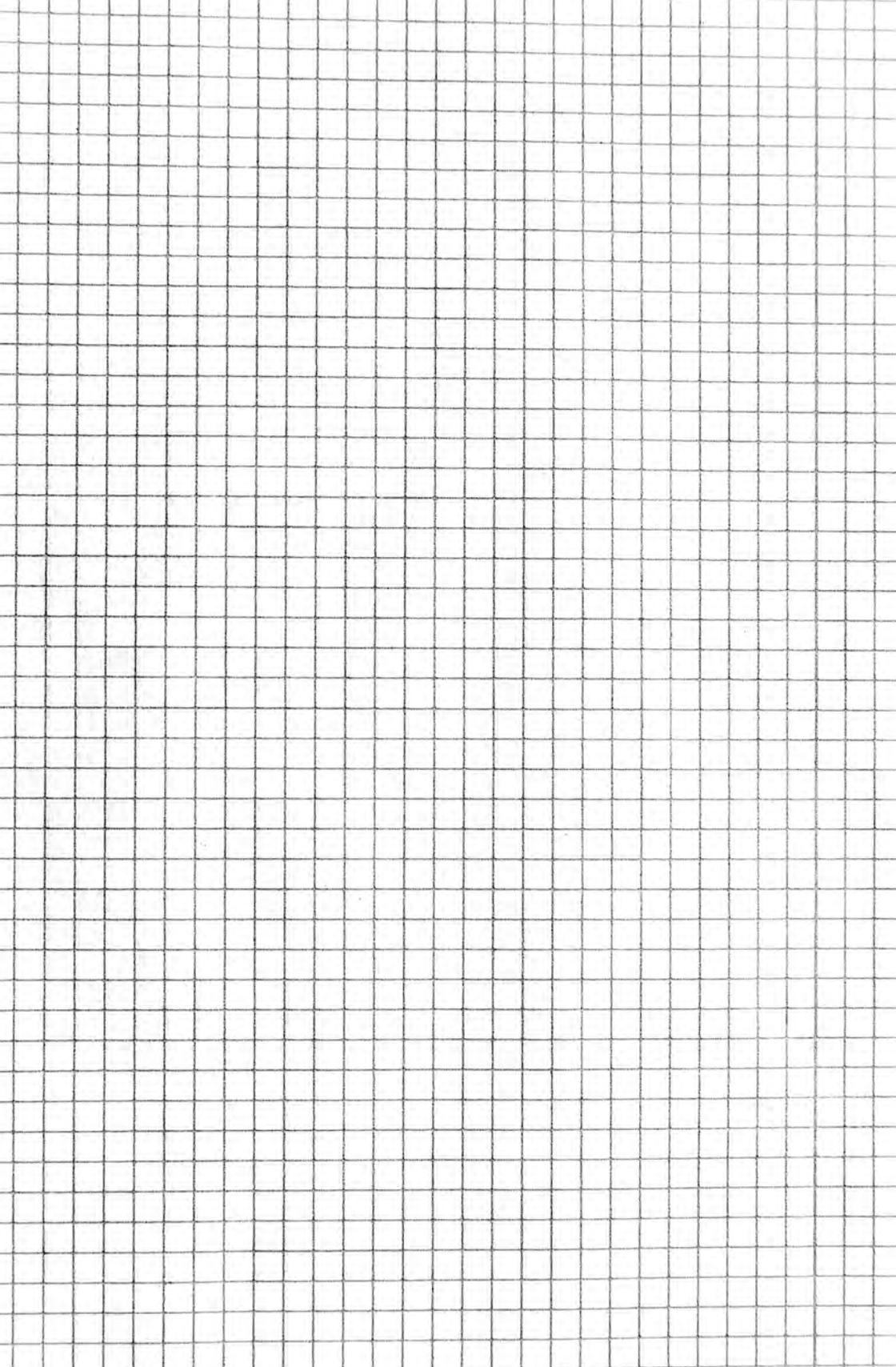
Желающих проверить, как работает эта формулировка, уже не нашлось — все всё поняли. В том же году отставка столичного мэра завершила эту главу новейшей истории России.

Все герои, имена, события, географические и другие названия в этой книге являются вымышленными. Совпадения с живущими или ушедшими из жизни людьми, реально существующими точками на карте, а также событиями, происходившими когда-либо, являются случайностью.

*Надо успеть допеть.
Надо успеть — и не сгореть.*

Группа «Городская культура»

Пролог

Звуки гитары на станции старой,
Странник, не успевший взлететь...
Поезд умчался, окутанный паром,
Вдаль оставляя глядеть и петь — о том,
Как со скоростью света он ищет ответы,
Как дальше продолжить свой путь
Прямо по рельсам, прямо по курсу —
И никуда не свернуть.
Никогда не свернуть.

Группа «Городская культура»

Москва, 24 февраля 2008 года

Февраль в Москве — похмельное и безденежное послесловие новогодних праздников. А вот в египетском Дахабе в это время тепло, да и кайтсерфингом заниматься приятнее всего. Людей, в отличие от околопраздничных сезонов, приезжает немного, и лагуна практически свободна. Поэтому в феврале у инструкторов намного больше времени для каждого клиента, к тому же оборудование можно арендовать со скидкой процентов в пятнадцать, если не больше...

Шеф московского бюро телекомпании BNN Сэнди Голдберг положила сумку в служебный микроавтобус. Глядя на то, как оператор укладывает аппаратуру в машину, и поевживаясь от февральского ветра, она подумала, что в январе вырваться в отпуск не удалось, а теперь уже никуда не уедешь до самого лета. В марте в России должны состояться президентские выборы, и, хотя их исход был вроде бы понятен, расслабляться не стоило. В такой момент произойти может что угодно, поэтому как минимум до июня — никакого отпуска.

Сэнди работала в России с конца 80-х годов. В то время западные корреспонденты рвались на работу в Москву со страшной

силой: «тяжелая» страна, доплаты — лет за пять можно было скопить солидную сумму денег, получить опыт работы практически в горячей точке и, если есть голова на плечах, приобрести значительный авторитет среди коллег. А лет через шесть-семь спокойно возвратиться домой, сесть шефом бюро в гораздо более спокойном месте и до конца своих дней учить работать молодежь.

Большинство журналистов так и поступали, да и сама Сэнди изначально вынашивала приблизительно такой план. Только задержалась в России чуть дольше нужного, а к концу 90-х окончательно призналась себе, что уезжать не собирается.

В главном офисе это всех устраивало, а сама она успокаивала себя тем, что в любой момент может прекратить затянувшееся приключение и вернуться домой — на щите и со всеми полагающимися бонусами.

Накануне выборов политических новостей в России стало намного меньше — все ждали, действительно ли президент и премьер-министр поменяются постами и, если это произойдет, что может выйти из такой рокировки. Поэтому за неимением более интересных сюжетов Сэнди решила заполнить информационный вакуум репортажем о митинге, который собирались провести родители учеников одной из московских музыкальных школ.

В пресс-релизе, который пришел в редакцию, рассказывалось, что школа имени Шуховых была основана вскоре после Второй мировой войны и за прошедшие шестьдесят с лишним лет воспитала добрую половину советских и российских звезд классической музыки из тех, чьи имена гремели теперь по всему миру.

Сэнди узнала, что изначально школа располагалась в здании Шуховского института (ныне академии) — музыкального вуза, который, как и школа, был основан сестрами Шуховыми. А в 1962-м в связи с развитием учебного заведения Шуховской школе был выделен отдельный особняк по адресу Луговка, 12. Этот памятник архитектуры XIX века стоял напротив Генерального штаба Советской армии, приблизительно в километре от Московского Кремля.

В начале 90-х годов стало понятно, что зданию необходим капитальный ремонт. К тому же количество учеников в Шуховке увеличивалось, и со временем школе стало тесно: необходимо было не просто отремонтировать историческое здание, а расширять учебные площади.

Из того же пресс-релиза Сэнди выяснила, что директор школы Дмитрий Вихров с середины 90-х вел борьбу с московскими властями: сначала за возможность начать реконструкцию, а позже — за само право оставить школу в исторически принадлежащем ей здании.

В пресс-релизе также сообщалось, что письмо о бедственном положении школы год назад было доставлено президенту России Бунину, который собственной рукой оставил на нем резолюцию: «Прошу принять согласованное решение и довести дело до конца. Это не рядовой проект. Он имеет действительно важное значение для нашей культуры».

На этом месте Сэнди отвела глаза от бумаги и задумалась: каким образом никому не известный Вихров ухитрился получить на своем письме резолюцию главы государства, да еще такую определенную?

Далее из пресс-релиза следовало, что даже резолюция президента страны не убедила мэра Москвы Полевого «довести дело до конца», так что борьба за особняк продолжалась нешуточная, что и заставило родителей учеников Шуховки выйти на митинг в защиту школы, где учатся их дети.

Сэнди захотелось посетить митинг и посмотреть на этих музыкантов. Классическая музыка ее почти не интересовала, хотя, как любой образованный человек, раза два в год она ходила на концерты и в театр. Но ей было интересно посмотреть, как московские власти будут выкручиваться из этого противостояния накануне президентских выборов, когда подобная социальная активность совсем не приветствуется.

Кроме этого, Сэнди тянуло выяснить, кто такой этот Вихров, как ему удалось столь долго противостоять всемогущему мэру

Москвы и даже дойти до президента Бунина. Она была взрослой женщиной и не верила в одиноких супергероев.

Московское бюро BNN располагалось в начале Кутузовского проспекта. Ездить по Москве утром в воскресенье — одно удовольствие, даже несмотря на хмурую зимнюю погоду: машин практически нет, и дорога от Кутузовского до Луговки заняла от силы минут пять.

К моменту приезда Сэнди и ее оператора возле Шуховки собралось уже достаточно большое количество журналистов. С настроенными камерами стояли операторы BRD и еще одной немецкой телекомпании, подъехали и несколько российских телевизионщиков. Пишущих журналистов собралось человек пятнадцать. Обводя взглядом площадку для съемки и в какой-то момент отвернувшись от коллег, Сэнди увидела, что со стороны Арбатской площади медленно и неслышно подкатил автобус московского ОМОНа.

Кто-то из российских журналистов дозвонился до организаторов митинга и сообщил, что никто не появится перед школой раньше назначенного времени. Однако где будет располагаться импровизированная трибуна, организаторы указали: ориентиром стал выступающий из-под сугробов гранитный бордюр клумбы. Сэнди повернулась к оператору Глебу, но увидела, что дополнительные инструкции не требуются: он уже установил штатив, причем в подходящем месте — как раз напротив гранитного уступа. Поймав ее взгляд, оператор усмехнулся:

— Конечно, раньше времени не выйдут. Кстати, смотри, ОМОН подъехал. Похоже, мэрия снова случайно мероприятие разрешила.

Митинг был назначен на двенадцать часов. Шуховская школа стояла, не подавая признаков жизни, глядя на собравшихся темными дырами выбитых окон. На окружавшем ее строительном заборе был натянута плакат с лозунгом «В защиту Шуховки». Сэнди взглянула на часы — 11:55, но на заснеженной площадке перед школой не было никого, кроме переминающихся с ноги на ногу

журналистов, нескольких зевак и выставленных полукругом камер, направленных в белые сугробы. Картина была странная.

Внезапно из-за угла здания школы начали выходить люди в рыжих строительных касках, на которых можно было различить все ту же надпись «В защиту Шуховки». Среди них — мальчишки и девчонки лет десяти-пятнадцати. Все они быстро преодолели расстояние от угла сквера до пространства перед камерами, остановились и стали растягивать транспаранты.

Людей, которых Сэнди поначалу приняла за обычных зевак, стало больше. Она сообразила, что случайных прохожих здесь быть не может: район Луговки практически нежилой, и утром в выходные, тем более зимой, мало кто может оказаться здесь случайно.

Из автобуса ОМОНа вышел человек в городском камуфляже и быстрым шагом приблизился к нескольким милиционерам в обычной форме, которые наблюдали за происходящим из дальнего угла сквера. Сэнди приложила к уху мобильный телефон, сделала вид, что шум толпы мешает ей разговаривать, и на несколько шагов приблизилась к сотрудникам милиции. До нее донеслось:

— Что тут?

— Ну, сами видите, товарищ старший лейтенант...

— Я-то вижу. Ладно, погоди... — офицер ОМОНа вытащил из кармана куртки мобильник и приложил к уху. — Алло. Да, начинается митинг... Да. А что делать? Что? Нет, так не пойдет, тут телевидение, я не могу... Да ничего, плакаты развернули, речи собираются говорить... Ну, какие... Сейчас...

Он повернулся к митингующим и стал всматриваться в надписи на транспарантах.

— «Верните детям родные стены!», «Кто пойдет под суд?», «Где вы, слуги народа?», «Чиновники, где предел вашей алчности?» А, вот — «Меняем Хесина на Кисина». Да нет, какой президент... Про Полевого тоже ничего... Понял. Так точно.

Омоновец защелкнул трубку и повернулся к милиционерам:

— В общем, просто ждем. Пока не кончится. Но нам тут работы, похоже, не будет — сами видите, камеры сплошняком. А вы там уточните у своих — может, административку на них повесить или еще как...

Небрежно козырнув, он закурил и, уже не торопясь, двинулся через дорогу обратно к автобусу.

Митинг начался. Слово брали родители, известные музыканты, выпускники — все они говорили о том, как они благодарны школе, как много дала им Шуховка, чем обязана этой школе страна и как важно оставить эту школу на ее историческом месте.

Некоторые стыдили чиновников за их безразличие к проблемам образования и культуры, даже обвиняли городские власти в затягивании реконструкции и намерении поступить со зданием школы так же, как и с некоторыми другими объектами города, в которых ранее располагались учреждения культуры, а теперь — рестораны и развлекательные заведения.

Сэнди подумала, что кадры митинга удачно дополнит интервью с директором Шуховской школы Вихровым: все это разбавит поток политических репортажей, которые BNN регулярно давало из столицы России.

* * *

Кабинет директора школы имени Шуховых Дмитрия Сергеевича Вихрова представлял собой средних размеров комнату с двумя окнами. У левой от них стены стоял рояль с лежащей на нем кипой нот и дисков, у правой — кресло и большой письменный стол с компьютером, заваленный стопками бумаг. Но сейчас директора за столом не было — он сидел на старом кожаном диване на-

против окон, стряхивая сигаретный пепел в огромную пепельницу, стоящую на широком журнальном столике.

В ожидании окончания митинга Вихров задумчиво смотрел на фотографию в рамке, которая стояла на одной из полок, подвешенных над роялем. Это был черно-белый портрет человека, которому на вид можно было дать лет сорок пять — чуть меньше, чем было сейчас самому Вихрову.

От размышлений директора Шуховки оторвал оживший и поползший по столику вибрирующий мобильный телефон. Вихров притушил окурок в пепельнице и нажал на боковую кнопку — крышка телефона откинулась. Митя встал: определитель показывал, что звонит начальство. Прижав телефон плечом к уху, он вытащил из пачки новую сигарету.

Некоторое время директор молча слушал голос в трубке, и если бы кто-то наблюдал за ним в этот момент, то не смог бы понять, что Дмитрий Сергеевич думает об услышанном: его лицо ничего не выражало. Наконец он медленно произнес:

— Я сейчас в школе, приехал из больницы. Как узнал об этом, так сразу и приехал. Нет, я не представляю, что делать... Нет, остановиться тоже не могу — это все-таки толпа. Да, конечно, я контролирую. Да, и мэру, конечно, — я на бюллетене... Спасибо, постараюсь.

Директор Шуховки закрыл крышку мобильника. Закурив, он выпустил сигаретный дым и улыбнулся — телефонный разговор явно поднял ему настроение.

В коридоре послышались голоса и шум приближающихся шагов. Дверь кабинета распахнулась, в кабинет влетела женщина небольшого роста с пышными растрепанными волосами и затараторила:

— Дмитрий Сергеевич, митинг закончился, все отлично, все выступили, журналисты в восторге, материала у них куча, вагон и маленькая тележка, в общем, па-алным па-а-ално... Ребята идут сюда, сейчас все обсудим!

Следом за ней вошли еще несколько человек. Каждый из них пожимал руку Вихрову. Александр Таранов, директор единственного в России независимого музыкального издательства, сказал:

— Ну, что, Мить, что могли, то нарасказали. По-моему, все прошло как по нотам, просто влет, удалось...

Вихров не успел ему ответить. В кабинет вразвалку вошли три милиционера, один из которых сразу обратился к нему:

— Так, ну что... Это... Вы кто?

— Я — директор.

— А, это ты директор? Ну-ка, давай-ка отойдем, директор...

«Интересно, — подумал Вихров, — чего это их так много? Уж не вязать ли кого собрались?» Митя сосчитал звездочки на погонах у затеявшего с ним беседу милиционера — получалось, что он капитан.

Капитан отделился от напарников, приблизился к Мите и растегнул бушлат. Глотнув воздуха, директор Шуховской школы понял, что милиционер находится при исполнении уже довольно долго.

Отходить в его кабинете было, в общем-то, некуда, в связи с чем они просто отвернулись от присутствующих. Милиционер, понизив голос, сразу перешел к делу:

— Смотри, тут такое дело... Я тебе должен сказать, что митинг-то, в общем, незаконный. То есть ты провел запрещенный митинг. Улавливаешь? И тянет это на административку. Ты имей в виду...

Капитан вплотную приблизился к Вихрову. Говоря вполголоса, опустив нижнюю губу и подняв брови, он выразительно посмотрел на Митю. Вся эта пантомима, видимо, должна была означать, что он сообщает какую-то важную конфиденциальную информацию — исключительно из желания помочь Мите выйти из трудного положения.

— Я провел? — не обратил внимания Вихров на мимику собеседника.

— Ну че ты прикидываешься... — капитан был разочарован.

— Я не прикидываюсь. Простите, а как ваше имя-отчество?

— Ладно, перестань, — тяжело вздохнул милиционер, поняв, что ласково не получилось, и продолжил по-деловому: — Смотри: митинг запрещенный. Мы сейчас составим протокол, ты его подпишешь, и мы уедем. Вопросы?

Вихров сосредоточенно взглянул на представителя закона.

— Нет вопросов, я подпишу, что нужно. Только вы мне объясните: что подписать и, главное, почему? Я ведь не очень в курсе того, что здесь происходит. Говорят — митинг. Ну надо же! Я сорвался с больничного, приехал сюда прояснить ситуацию — что за митинг? Да еще, получается, несанкционированный! И, кстати, если он запрещенный — можно посмотреть бумагу, где об этом написано?

— Да есть у нас эта бумага... — капитан махнул рукой в сторону окна, видимо, указывая на местоположение отделения, и продолжил: — Не это сейчас главное.

— Если есть — очень хорошо. Покажете бумагу? — не унимался Вихров, почувствовав в собеседнике желание уйти от темы.

— В отделении она.

— Ну, так пошлите бойца, — Митя кинул взгляд в сторону сослуживцев капитана. — Пусть кто-нибудь принесет, мы не торопимся.

Такой инициативы капитан не ожидал, однако признать, что бумаги нет, означало посрамить мундир.

— Слушай, ну что мы будем бегать сейчас туда-сюда? Давай протокол составим, ты его подпишешь и... Хотя погоди. А кто же, если не ты, митинг-то организовал?

— Говорят, что Елизавета Генриховна Романова-Юсупова.

— Кто? Хм... Ясно. А можешь позвать сюда эту Генриховну?..

Вихров повернулся к Таранову:

— Саш...

Таранов уже набирал номер:

— Елизавета Генриховна, вы еще здесь? Да, спасибо... Вы знаете, мы тут в кабинете у Дмитрия Сергеевича, а с вами хотят побеседовать представители Министерства внутренних дел как с организатором митинга... Мы вам крайне признательны!

Елизавета Генриховна Романова-Юсупова

Напарники капитана присели на кожаный диван, а собеседник Вихрова продолжал стоять, как бы намекая, что дел тут осталось немного.

В кабинете становилось жарко, на лицах милиционеров проступил пот, но они не снимали бушлаты, а только стянули влажные ушанки, смяв их в руках и ожидая прихода нового действующего лица.

Возникла пауза, будто ведущий уже объявил программу, а исполнитель еще не вышел на сцену и публика сидит в тишине, покорно ожидая его появления. Складывалось ощущение, что сейчас, как это обычно бывает, кто-то начнет нетерпеливо аплодировать.

Первым не выдержал капитан. Хлопать он не стал, а вместо этого произнес в пространство, не обращая ни к кому конкретно:

— Десять минут — и все. Просто закрыть надо этот вопрос. Чего тут, ерунда — пара тысяч штрафа...

Дверь открылась. Полностью закрывая проем, появилась норковая шуба в пол: в кабинет величественно вошла дама лет пятидесяти. Она сделала несколько шагов, и у всех присутствующих без исключения создалось впечатление, что она движется не по узкому пространству директорского кабинета, а как минимум по Георгиевскому залу Большого Кремлевского дворца к ожидающему ее трону. Отсутствие скипетра у нее в руке наводило на мысль, что он где-то тут, в складках этой шубы, скрывающей царскую статью.

Форменная ушанка чуть не выпала из рук капитана. Двое сотрудников, сидевших на диване, медленно поднялись, при этом у одного из них часть слюны вышла наружу и не успела вслед за поднявшимся преодолеть земное притяжение.

Дама неспешно провела взглядом по слипшимся волосам милиционеров, раздав каждому из присутствующих порцию бриллиантового блеска спрятанных в ушах сережек, поздоровалась и низким голосом произнесла главное:

— Я — Елизавета Генриховна Романова-Юсупова.

